
ПРЯДИЛЬЩИЦА
СНОВ
ЕЛЕНА ЭХОВА

Елена Эхова

Прядильщица снов

https://litres.ru/74714934
SelfPub; 2026

Аннотация

На опушке леса, где тропинки путаются в траве, живёт прядильщица снов — Забава. Прядёт она сны из нитей диковинных, что впитали в себя туманы утренние да лето жаркое. Приходят к её порогу те, чьи сердца охватил холод, а в душе поселилась тревога. Бережно плетёт Забава светлые сны, возвращая людям веру в чудо.

Содержание

Сон о забытом детстве 4
Когда тьма приносит подарки 10
Чай с наместником 14
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Елена Эхова
Прядильщица снов

Сон о забытом детстве

Тихо стлался вечер по сонному лесу, укрывая деревья светло-синей шалью из искрящихся снежинок. Тихо замер и ветер, словно знал: спугнёшь эту тишину, и рассыплется весь мир на холодные осколки. Тянуло из избы на краю леса теплом, да запахом душистым трав сушёных. Весело потрескивали в печи дрова; ласково пламя обнимало поленья, точно шептало их что-то тёплое, да давно забытое.

Изба у Забавы была маленькой, а умещалось в ней целое небо и земли людские. Тянулись по стенам полки с мотками нитей всех цветов и оттенков: от пепельного, что похож на туман утренний, до предрассветного розового, в котором жило само робкое, едва уловимое счастье, обещающее весну да жаркое лето впереди. Хранил каждый моток свой запах, свой тихий шёпот: старого льна, тягучего душистого мёда иль воска.

Сидела Забава у окна, склонившись над веретеном. Пальцы её привычно тянули тонкую нить, будто и не пряли вовсе, а осторожно выводили узор прямо по воздуху. Доделывала она сон для деревенской женщины. О тёплой печке, румяном

хлебе, о кошке, мурлычущей на лавке. Не спасёт такой сон от житейских бурь, не прогонит грозы, да только напомнит, что есть в жизни тихие мгновения и радости.

В окно заглянула тьма, да пришла не как беда, а как пушистая чёрная кошка, в шерсти которой запутались сверкающие снежинки. Моргнула она, мягко ступила в избу, оставив на полу лёгкий след из сумерек. Устроилась у печи, сладко потянулась, зевнула. И в горнице сразу потемнело, точно сама ночь присела рядом послушать, как шепчет огонь в печи. Веяло от тьмы ночной прохладой, чистой да свежей, как от воды родниковой в тени деревьев.

— Опять ты тут, — сказала Забава, не поднимая глаз. — И зачем?

В дверь едва слышно постучали, и так робко, как будто стучавший стыдился потревожить тишину ночи и леса. Прислушалась Забава, повторился стук.

— Входи, — молвила она, откладывая веретено.

Стоял на пороге старый охотник. Потемнела одежда его из грубого холста от дождей, запутались в бороде хвоинки, выцвели глаза, напоминая серое небо после дождей долгих. Встреть его в лесу, и не отличишь от лешего.

— Прости, что тревожу, — промолвил он, стоя в пороге и комкая в руках снятую шапку. — Слышал, ты людям сны прядёшь…

Кивнула Забава пригласила сесть на лавку у печи. Огляделся охотник, скинул валенки, снял тулуп, вошёл и сел, по-

ложив ладони на колени, не зная, куда деть руки. Казались они ему вдруг слишком большими, слишком неловкими для этой маленькой, тёплой избы.

— Не богатства прошу, — тихо проговорил он, глядя в тёмный угол. — Не здоровья. Сердце у меня стало тихим и пустым. А раньше оно пело запахом да памятью из детства. Забыл я детство. Совсем. И холодно мне без него.

Выслушала его Забава, не перебивая.

— Помогу, — сказала она, легко поднимаясь к полке с травами. — Да не силой, а заботой тихой. Тут волшебство не словом и не заклятьем творится, а нитью, в которую запахи и память вплетаются. Она и вернёт тебе забытое счастье — потихоньку, помаленьку, чтоб не спугнуть.

Поставила Забава на печь чугунок, бросила туда душицу да мяту. Зашептала, забурлила вода, и поплыл по избе аромат, от которого хотелось закрыть глаза и вспомнить жаркое лето, когда даже воздух казался сладким.

— Пей, — сказала Забава, протягивая кружку.

Взял охотник её обеими руками, вдохнул пар да сделал глоток. И растеклось тепло по груди медленно, прогоняя ту самую пустоту, о которой говорил он.

Подошла Забава к полкам и выбрала нити, прятавшиеся в полумраке: прозрачные, точно сотканные из тумана. Пахла одна росой утренней, другая — травой на сенокосе, третья — едва уловимой ноткой лесного мёда, земляники да жаркого солнца.

Поднялась тьма, неспешно подошла к охотнику и легла у его ног. Пахло от неё теперь лесом после грозы: мокрой корой, свежей хвоей и влажной землёй. Опустил охотник ладонь ей на голову, почувствовал мягкую шерсть и вдруг понял, что дышать стало легче.

— Теперь закрой глаза, — промолвила Забава. — Да не пытайся вспоминать. Пусть воспоминания сами тебя найдут, как тропинки в лесу. Не ты их ищешь, а они зовут тебя.

Послушался охотник. Опустились плечи его, успокоилось дыхание. Разомлел он в тепле избы, в запахе трав, в тепле кошачьего тела у ног.

Взяла Забава веретено и нити да повела охотника по сну его.

И почувствовал он запах свежескошенной травы и разогретой солнцем земли. Снова был он мальчишкой, бежавшим по полю и не думавшим ни о чём, кроме того, что далеко впереди встречалась земля с небом. Щекотала трава босые ноги, походило на гладь пруда небо синее, манило окунуться.

Почуялся потом запах испечённого хлеба. Горячего, с хрустящей корочкой. Пах он домом, уютом, маминым руками, которые всегда были ласковыми.

Вспомнилось ему лето жаркое. Высоко по небу катилось солнце, дрожал над поляной горячий воздух. Звенело всё от жары, от стрекота кузнечиков, от ветра в траве. Плыл среди зноя густой, медовый запах земляники, нагретой солн-

цем. Висели ягоды, едва касаясь земли, и пахли так сильно, что запах сам входил в грудь. Собирал он их дрожащими от нетерпения пальцами.

Пришёл вместе с земляникой запах живых, горячих от солнца трав: полыни, ромашки, клевера, тимофеевки. Слились они в один пряный дух, от которого кружилась голова и хотелось лечь в траву, раскинуть руки и смотреть в небо, пока глаза не устанут.

Отозвалось на этот запах сердце охотника. Дышал он сном этим, позволяя воспоминаниям обнять себя. Разглаживалось с каждым вдохом его морщинистое лицо, и проступал в нём тот самый непоседливый мальчишка, который когда-то знал, что мир добрый.

Пришло время возвращаться. Медленно оборвала Забава нить, аккуратно распутывая самый тонкий узор.

Открыл охотник глаза. Сперва не понял ничего, потом огляделся. Печь, полки с мотками, большая чёрная кошка, смотревшая терпеливо и чуть лукаво. Улыбнулся он, как улыбаются люди, только что проснувшиеся после сна хорошего и не желающие терять его.

— Вспомнил я, — промолвил он тихо, боясь спугнуть воспоминания, навеянные сном. — То лето, запах земляники, нагретой солнцем. И травы… как они пахли, когда всё вокруг звенело от жары. И как мне спокойно было.

Поднялся он с лавки, собрался с мыслями, поблагодарил Забаву. Бросил взгляд на тьму, лениво потягивавшуюся у пе-

чи, оделся и вышел за дверь.

Подошла к окну Забава и смотрела ему вслед, пока силуэт не исчез среди деревьев. Не вернёт этот сон ему годы, не сделает моложе, да только придаст сил и согреет студёной зимой.

Вернувшись к веретену, аккуратно она смотала остатки нити и погасила свечу. Остался в избе только мягкий свет луны, струившийся сквозь занавески, да тишина, нарушаемая одним треском поленьев. Спал вокруг лег, укрытый пуховым снежным одеялом.

Тихонько замурлыкала тьма, подошла к Забаве и потерлась мягкой головой о её колено, одобряя выбор нитей для этого сна. Коснулась Забава прохладного чёрного меха и улыбнулась.

Когда тьма приносит подарки

Ныне утро в избе Забавы пахло мёдом и парным молоком — да так сладко, что, казалось, сама зима припрятала в снегах кусочек жаркого лета. Дремало солнце до весны в чертоге тьмы, а в горнице хватало света. Прыгали по половицам да по стенам солнечные зайчики, словно озорные котята, золотили мотки с нитями на полках. Тихо кружились пылинки в воздухе. Знала Забава, что это маленькие домашние духи, и шепнула им ласково:

— Доброе утро, помощники. Хороший нынче день будет.

Встала Забава, потянулась, и утро, мягкое, как пуховый платок, укутало ей плечи. Взяла она дубовый гребень да неторопливо расчесала волосы, сбрасывая все ночные тревоги. Пусть останутся до поры в стороне, а после выметет она их прочь из избы вместе с сором. Подошла Забава к печи, погладила тёплую боковину:

— Доброе утро, родная, будем согревать нынче уснувший лес?

Отозвалась печь тихим потрескиванием. Поставила Забава на огонь чайник, и запел он свою привычную песню, выпуская пар из носика. Покуда грелась вода, поправила Забава скатерть, провела рукой по полкам, поздоровалась с каждым мотком. Тихонько шуршал в углу лоскутный коврик, лежала на подоконнике еловая веточка. Тронула её Забава, вдохну-

ла тонкий, смолистый запах и улыбнулась.

Дожидалась на столе её любимая глиняная чашка с узором. Привычно поставила Забава рядом чайник, заварила чай из малиновых веточек. Висел на крючке у двери её шерстяной платок. Любила Забава накидывать его на плечи, когда выходила на крыльцо. Пах он уютом да спокойствием, хранились в нём тихие радости земель людских.

Вдруг дрогнул тихонько воздух, и из тени в углу выплыла тьма. Не шла она, а стекалась по полу, подобно густой бархатной ночи, и постепенно превращалась в большую пушистую кошку. Громким и тёплым было её мурчание, что даже мороз за окнами отступил на шаг, побоявшись мешать этому уюту. Держала в зубах тьма нитку с нанизанными на неё жемчужинами.

Положила она нитку у ног Забавы, посмотрела бездонными глазами и сказала:

— Смотри, что нашла.

— Опять ты чудеса собираешь, — рассмеялась Забава. — Ну-ка, покажи.

Улеглась тьма у печки, замурлыкала чуть тише, чтобы не спугнуть хрупкие сны. Присела Забава, осторожно коснулась нитки с жемчужинами. Тёплыми они были, точно согревшимися от чьей-то подушки. Взяла она в руки нитку, пристально всмотрелась в жемчужины, и увидела в первой сон о рыбке из сахара. Плавала рыбка в озере, прозрачном, как хрусталь, переливалась её чешуя, как леденцы на ярмарке. Си-

дел на берегу озера мальчишка и улыбался. Сияла рыбка точно солнце летом.

Во второй жемчужине светилось изумрудное сияние, и увидела Забава говорящего зайца в пояске. Расхаживал заяц по заснеженной лужайке, поправлял поясок и важно рассказывал, как правильно есть морковку, чтобы стать самым храбрым зайцем в лесу.

В третьей жемчужине увидела Забава лес, где росли на деревьях пряники. Ходила между деревьями девчушка, пробовала пряничные листочки и радовалась: сладким да вкусным был лес, даже в зимнюю пору.

Потеплело сердце Забавы. Донести нужно было бережно эти сны детские, не расплескать по дороге ни капли их света.

Взяла она веретено, достала с верхней полки тончайшие серебряные нити — такие тонкие, что почти не видно было их, только чуть искрились, как будто запутались в них осколки лунного света. Принялась Забава плести путеводные нити. Были это добрые тропинки, по которым сны смогут долететь до детских подушек. Работала она привычно да ловко: нить за нитью ложились в узор, словно сам знал, как плестись.

Пока плела Забава, в углу тихонько щёлкнула половица, заскреблась мышка-норушка. Чуть качнулся на полке горшочек с засушенным липовым цветом. Собирала Забава его летом, высушивала да добавляла зимой в чай, когда хотелось вспомнить тёплые дни. А на подоконнике, рядом с еловой

веточкой, лежал маленький камешек в форме сердечка. Его принёс ей мальчик из деревни, когда сплела она ему сон про коня летающего. Улыбнулась Забава, глядя на него, и пальцы сами стали плести чуть быстрее.

Когда готова была сеть, подошла Забава к двери, накинула платок, распахнула дверь. Ворвался в избу колючий морозный воздух, свежий и пахнущий хвоей, обнял её, в желании рассказать какую-то лесную тайну. Кинула Забава сеть с вплетёнными жемчужинами, подхватил её ветер, закружил, унёс к детским подушкам, чтобы сны легли на них мягко.

Подошла тьма к двери, посмотрела вслед улетающей сети с детскими снами. Стояла Забава на крыльце и чувствовала, как нити летят по лесу, над заснеженными полями, как пробираются в избы, как тихо ложатся на подушки.

Легла на лавку возле печи довольная тьма и тут же уснула, убаюканная ласковым теплом. Вновь стало тихо в избе. Почесала Забава тьму за ухом да принялась хлопотать по дому.

Свежим был воздух, слышался в нём тихий хруст снега да чирикание воробьёв. Плыли по небу облака, начинался день новый, пусть пока и спит до весны солнце.

Чай с наместником

Ветер за окном выл так, словно хотел выдуть из леса весь снег, вымести до последней снежинки, обнажить землю до самой стылой кости. А в избе Забавы было тепло и уютно: весело трещал огонь в печи, отбрасывал на стены тёплые блики, и ни один сквозняк не мог пробраться через толстые брёвна.

В дверь уверенно постучали. Забава улыбнулась; она знала этот стук, столько раз слышала она его в шуме метели, что и не сосчитать.

— Входи, — пригласила она гостя.

Дверь открылась, и на пороге появился Кощей. В длинном чёрном кафтане, с бледным лицом и взглядом, в котором застыло всё прожитое время. Осанка у него была уверенная, властная, но Забава заметила, как тяжело было ему держать эту прямоту, ибо скрывался за его статью груз тяжкий, такой, что и плечи бы опустились, да гордость не велела.

Держал он в руках свёрток из грубой кожи. Протянул его, не заходя дальше порога, точно разрешения спрашивал, точно боялся нарушить покой этой избы.

Молвила Забава:

— Проходи, не стой в пороге. Тут ветер не властен.

Прошёл Кощей внутрь, и дверь закрылась за ним с тихим стуком, отрезая шум ветра и стылую зиму. Положил он

свёрток на стол. Забава неторопливо развязала шнур. Лежали внутри горные травы — редкие, с холодным синим мерцанием, точно застыл в них свет далёких звёзд-гвоздей, что удерживают небо над землёй.

— Спасибо, — молвила Забава. — Сейчас чай заварю.

Взяла она медный чайник, плеснула воды свежей и чистой, будто из лесного ключа, да поставила на печь. Пока грелась вода, достала глиняную банку с сушёной малиной, щепотку мяты. Поплыл по избе аромат сладкий да свежий, тёплый да родной, такой, что даже сердце чуть оттаивало.

— Говорят, тьма у тебя нынче зимой ютится, — сказал Кощей, глядя на огонь в печи. — Вчера пыталась утащить мой плащ да поиграть с ним, точно кошка проказливая.

— Сказала она, что ты слишком серьёзный стал, и хочется ей, чтобы ты хоть иногда улыбался, — ответила тихо Забава.

— Улыбаться для меня — это роскошь, — сказал Кощей, но уголок его губ всё-таки дрогнул в улыбке.

Говорили они о пустяках: о ветре, что скрипит в ветвях, о скрипучих половицах, о том, что зима в этом году злее обычного, точно хочет доказать, что она тут главная. И пока они болтали о малом, Кощей понемногу опускал невидимые щиты. Снял тяжёлый кафтан, аккуратно положил на лавку, боясь потревожить покой и тишину в избе. Сел за простой деревянный стол, обхватил ладонями кружку, которую Забава перед ним поставила, и прикрыл глаза, вдыхая пар, точно хотел удержать этот запах малины и мяты внутри.

Успокаивали и убаюкивали тепло кружки, запах трав да треск дров. Замедлилось время, стало густым, как кисель, как мёд в январский мороз, когда ложка едва движется. Всё лишнее осталось за стенами, а здесь только тепло, аромат чая и тихий голос огня.

Когда кружка наполовину опустела, Кощей открыл глаза. Видела в них Забава усталость,что копится годами, что въедается в кости и шепчет: «Ты должен держать всё».

— Мой разум никогда не молчит, — сказал он, глядя куда-то сквозь стену, точно видел не избу, а весь мир сразу. — Слышу я каждое существо, что ходит по этим землям, чувствую каждую ошибку богов, а теперь и тьма решила превратиться в кошку.

Помолчал он, словно сам удивился, что молвил это вслух.

— Мне не нужны великие сны. Не нужны видения прошлого или обещания будущего. Мне нужна тишина, спокойствие и отдых.

Забава задумалась. Плести тишину и правда сложнее, чем плести чудеса: чудо можно сделать ярким, звонким да заметным, а тишина… Она тонкая, как паутинка, и если потянешь чуть сильнее, то в миг разорвётся.

Подошла к полке и достала моток серых нитей, почти прозрачных, как утренний туман над рекой, что искрится в тёплых лучах солнца. И начала плести. Не узор, не сказку, а ровное, тонкое полотно, что ложится мягко, как тёплое одеяло, как пуховый платок, которым укрывают ребёнка, чтобы сни-

лись ему только добрые сны.

Кощей сидел, держа кружку, и плечи его понемногу опускались. Закрылись глаза. Медленно клонилась голова и легла на сложенные руки. Стало дыхание его глубоким и ровным.

Впервые за много зим спал он спокойно и без сновидений.

Стояла и смотрела на него Забава. Не был он сейчас наместником богов светлых и тьмы, не был хранителем границ и судьёй дорог; а был уставшим человеком, который исправно несёт свою тяжёлую ношу.

Спрыгнула с печи кошка-тьма, подошла и легла у его ног, охраняя сон. Стало в избе снова тихо, и слышно было, как трещат в печи дрова, как рассыпается серым пеплом уголёк да как дом дышит.

Взяла Забава свой платок и бережно накинула на плечи Кощея, точно хотела укрыть его от всех ветров, что ждут за дверью. Взяла нитки с полки и взялась плести сны для зверей лесных, что спали всю зиму сном глубоким, — о весне и солнце, о лете жарком, о траве, что щекочет лапы, и о небе, что зовёт лететь выше.

Проснулся Кощей, поднял медленно голову. Спокойными были его глаза, исчезла тревога да настороженность.

Поблагодарил он Забаву, встал, привычно расправил плечи, вернул себе осанку прежнюю, но не было в ней теперь столько тяжести. Оставил на столе пустую кружку, из которой ещё тянулся лёгкий аромат малины и мяты, надел кафтан.

— До встречи, Забава, — промолвил он и вышел за дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.